

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

РАЗВОД
С АЛЬФОЙ

ТЫ САМ ОТКАЗАЛСЯ
ОТ СВОИХ НАСЛЕДНИКОВ

Юлий Люцифер Развод с альфой. Ты сам отказался от своих наследников

<https://litres.ru/74604372>

Аннотация

Восемь лет я была женой альфы Серого Предела. Семь лет мы растили наших близнецов и верили, что однажды они унаследуют стаю.

Но на Обряде Первой Луны Тео и Лея не показали волчьего отклика.

Совет потребовал лишить их наследства. А от моего мужа — поставить подпись.

Кайр знал, что это его дети. Знал, что они ни в чем не виноваты. И все равно выбрал стаю.

После развода я забрала близнецов, вернула свое имя и профессию, которую когда-то оставила ради семьи. Я хотела лишь начать новую жизнь.

Пока не обнаружила невозможное: волчья сила моих детей не исчезла. Ее намеренно подавили.

И они далеко не первые наследники, которых таким способом лишили будущего.

Теперь Кайр хочет вместе со мной докопаться до правды.

Только вернуть наследство детям проще, чем заставить меня снова поверить альфе, который однажды уже отказался от нас.

Содержание

Глава 1. Ты сам поставил подпись	5
Глава 2. Бывшая Луна	43
Глава 3. То, чего не должно было быть	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1. Ты сам поставил подпись

На следующий день после Обряда Первой Луны нас вызвали в Зал старших родов.

Без детей.

На этом я настояла сама.

Тео и Лея и так почти не спали ночью. Сын делал вид, что ничего особенного не произошло, но за завтраком трижды спросил, когда сможет пройти обряд еще раз. Лея молчала, ковыряла ложкой кашу и не смотрела на отца.

Перед уходом Тео догнал меня у двери.

— Мам, я вчера неправильно руку положил?

Я присела перед ним.

— Нет.

— А почему ничего не появилось?

— Пока не знаем.

— Если я попробую еще раз, получится?

Мне хотелось сказать, что обязательно.

Не сказала.

— Сначала разберемся, что произошло.

Он кивнул, но вопрос остался у него на лице.

Лея стояла чуть дальше, прижимая к груди тряпичного волка, которого давно считала слишком детским и обычно прятала от брата.

— Вы долго? — спросила она.

— Постараемся быстро.

— Папа тоже вернется?

Я посмотрела на Кайра.

Он уже надел темный официальный камзол с серебряным знаком Серого Предела и застегивал браслет альфы.

— Вернусь, — ответил он дочери сам.

Лея ничего не сказала.

Я поцеловала обоих и вышла.

Тогда я еще думала, что самое трудное осталось вчера.

Ошиблась.

В Зале старших родов уже ждали представители Совета Первых Стай, главы четырех сильнейших домов Серого Предела, Корс Данн, два королевских наблюдателя и Ларена, мать Кайра.

Во главе стола сидел Варден Керн.

Он поднялся, когда мы вошли.

— Альфа Ривен. Луна Ривен.

Я заняла свое обычное место справа от Кайра.

За восемь лет брака я сидела здесь десятки раз. Обсуждала зимние запасы, поселковые долги, споры между родами, ремонт дорог, помощь вдовам, выделение земли новым семьям.

Сегодня перед моим креслом не было рабочих книг.

Только три документа.

Я посмотрела на Кайра.

— Что это?

Он не ответил сразу.

Керн сложил руки на столе.

— Мы начнем с результата вчерашнего обряда.

— Я спросила мужа.

Кайр повернул ко мне голову.

— Проект решения Совета.

— Какого решения?

— По линии наследования.

Я посмотрела на документы еще раз.

Вчера вечером, когда служитель снял серебряную пластину с родового камня, на ней действительно не было знака.

Ни у Тео.

Ни у Леи.

Оба прикоснулись к камню по правилам.

Оба прошли предварительный осмотр.

Оба до последней минуты считались обычными детьми правящего рода, у которых в ближайшие месяцы должно начаться первое волчье пробуждение.

А потом не произошло ничего.

Вчера я согласилась только с одним: нужно обследование.

Кайр сказал то же самое.

По крайней мере, мне.

— Когда Совет успел подготовить решение? — спросила я.

Керн ответил спокойно:

— Ночью.

— Ночью мои дети внезапно стали настолько опасны для государства, что вы не могли дожидаться утра?

Один из старейшин нахмурился.

Керн даже не изменился в лице.

— Речь идет не об опасности детей. Речь идет о наследовании одной из Первых Стай.

— Для меня речь идет о детях.

— Именно поэтому медицинская проверка будет проведена отдельно.

Я посмотрела на него.

— Она уже проведена?

— Первичный осмотр не выявил болезни.

— Я спрашиваю не о первичном осмотре.

Керн чуть склонил голову.

— Что именно вы хотите выяснить?

— Все причины, по которым семилетний ребенок может не показать волчий отклик во время обряда. Болезнь. Задержка пробуждения. Истощение. Ошибка в ритуале. Ошибка в материалах. Я хочу знать, почему за один вечер вы успели решить вопрос наследства, но не успели ответить ни на один из этих вопросов.

Варден Керн выдержал паузу.

— Потому что закон не требует медицинского заключения для временного решения по линии наследования.

— Временного?

Я протянула руку к верхнему листу.

Кайр накрыл его ладонью.

Не резко.

Но я остановилась.

— Дай посмотреть.

Он убрал руку.

Я прочитала первые строки.

Тео Ривен и Лея Ривен исключались из прямой линии наследования Серого Предела как дети правящего альфы, не подтвердившие волчий отклик на первом официальном Обряде Первой Луны.

Ни слова «временно».

Я дочитала до конца.

Права на фамилию сохранялись.

Содержание сохранялось.

Доля семейного имущества сохранялась.

Защита правящего дома сохранялась.

Не сохранялось только право однажды занять место отца.

Я подняла взгляд.

— Здесь нет временного решения.

Керн ответил:

— Вердикт может быть пересмотрен, если появятся основания.

— То есть сначала моих детей окончательно лишают наследства, а потом мы имеем право просить вернуть его?

— Это установленная процедура.

— Очень удобная процедура.

Кайр тихо произнес:

— Элла.

Я повернулась к нему.

— Ты знал?

— О проекте?

— Да.

— Знал.

— Когда?

— Ночью.

— И не разбудил меня?

Он нахмурился.

— Ты почти до утра была с детьми.

— Я могла оставить их с няней на полчаса.

— Лея не отпускала тебя.

— Поэтому ты решил, что мать можно не приглашать, когда обсуждают будущее ее детей?

— Мы ничего окончательно не решили.

Я положила ладонь на документ.

— Он уже написан.

— Документы Совета всегда готовят заранее.

— До того, как Совет услышит мое мнение?

Кайр вздохнул.

— Элла, не превращай это в спор о порядке заседания.

— А во что мне его превращать?

Керн вмешался:

— Госпожа Ривен, никто не лишает вас права высказать-

ся.

— Спасибо. Особенно ценно после того, как решение уже сформулировано.

Корс Данн сидел через несколько мест от нас. Наши взгляды встретились.

Он отвел глаза первым.

Вот тогда я поняла, что ночью разговаривал не только Совет.

— Корс тоже был здесь?

Кайр ответил:

— Да.

— Ларена?

Свекровь сама сказала:

— Да.

Я посмотрела на нее.

Ларена любила детей.

Не на словах.

Она проводила с ними время, знала, чего боится Тео, помнила все Леины любимые сказки, сама учила близнецов различать запахи лесных трав.

Но сейчас сидела напротив меня совершенно прямо.

— Вы поддержали это?

— Я поддержала необходимость быстро определить положение стаи.

— Я спрашивала о Тео и Лее.

Она выдержала мой взгляд.

— Да. Я считаю, что сейчас их нужно вывести из прямой линии.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы ответить спокойно.

— Почему?

— Потому что Серый Предел не может годами жить в ожидании, проявится у наследников волчья природа или нет.

— Им семь.

— Именно. Впереди достаточно времени, чтобы они нашли свое место в жизни без обязанности однажды возглавить стаю.

— Как удобно, что вы уже нашли его за них.

Ларена нахмурилась.

— Я не сказала этого.

— Вы только поддержали решение, которое сделает это законом.

Кайр положил ладонь на стол.

— Хватит.

Я повернулась к нему.

— Нет. Не хватит.

Он смотрел устало.

Вчера после обряда мы почти не разговаривали. Дома были дети, служители, целитель, Корс. Потом Лея расплакалась, когда попыталась уснуть, и я осталась с ней.

Кайр ушел в кабинет.

Теперь я знала зачем.

— Объясни мне, — сказала я. — Не как альфа Совету. Как отец мне.

— Что именно?

— Почему мы не можем сначала обследовать детей, а потом принимать решение.

Кайр провел пальцами по краю документа.

— Потому что до результатов обследования может пройти несколько недель.

— И?

— За это время боковая линия заявит права.

— На что?

— На официальное признание следующего наследника.

— Они могут подождать.

— Не обязаны.

— Ты альфа.

— Именно поэтому я обязан соблюдать устав, даже когда он касается моей семьи.

Я смотрела на него.

— А если не станешь?

— Получу вызов.

— На место альфы?

— Да.

Это я знала.

Если действующего альфу обвиняли в том, что он использует власть вопреки закону стаи ради личной выгоды, старшие дома могли потребовать проверки его полномочий и вы-

звать на открытое голосование.

В редких случаях спор переходил дальше.

До поединка.

До раскола домов.

Но до этого существовало множество других процедур.

— И ты боишься проиграть голосование?

Кайр ответил не сразу.

— Я боюсь не за свое кресло.

— Тогда за что?

— За стаю.

Я закрыла глаза на короткое мгновение.

Разумеется.

За стаю.

— Три дома уже требуют определить новую линию, — продолжил Кайр. — Еще два колеблются. Если я откажусь признавать вчерашний результат, спор начнется сразу.

— Пусть.

— Ты не понимаешь последствий.

Я посмотрела на него.

— Не говори со мной так.

— Как?

— Будто я восемь лет прожила рядом с тобой и до сих пор не знаю, что такое спор между домами.

Он замолчал.

Я продолжила:

— Я знаю, чем заканчиваются такие истории. Знаю, как

быстро старшие начинают считать людей, деньги и оружие. Но я также знаю, что ни один дом сегодня не воюет. Ни один человек не погиб. Никто не вышел из подчинения.

— Пока.

— Да. Пока.

— Я не могу строить управление на слове «пока».

— А я не могу строить жизнь детей на предположении, что через неделю кто-нибудь может бросить тебе вызов.

— Это не предположение.

— Тогда пусть бросает.

Кайр смотрел на меня так, будто я предложила поджечь собственный дом.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Отлично понимаю.

— Если я отказываюсь исполнить закон только потому, что речь идет о Тео и Лее, я сам даю боковым домам лучший аргумент против себя.

— Тогда защищайся.

— И втянуть стаю в борьбу?

— Если цена твоего спокойствия — наши дети, да.

Кто-то за столом тихо вдохнул.

Мне было все равно.

Кайр отодвинул документ.

— Я не назвал их ценой.

— Но платят они.

— Они сохраняют фамилию, имущество, положение, за-

щиту дома.

— Какая щедрость.

— Не надо.

— Что не надо?

— Делать вид, будто я выбрасываю их на улицу.

Я помолчала.

Он действительно не делал этого.

Именно поэтому было так трудно.

Если бы Кайр оказался жестоким человеком, все было бы проще.

Если бы он ненавидел детей.

Если бы сомневался, что они его.

Если бы нашел другую женщину.

Но он любил Тео и Лею.

Любил меня.

И все равно сидел здесь.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда давай без громких слов.

Ты не выбрасываешь детей. Ты просто соглашаешься, что они больше не могут стать твоими наследниками.

Кайр напрягся.

— До пересмотра.

— В документе нет этого срока.

— Я внес отдельное требование о праве на повторное рассмотрение.

— Это право у нас и так есть по королевскому закону.

Он ничего не ответил.

Я поняла, что права.

— Значит, ты ничего им не сохранил, кроме того, что Совет и так не может отнять.

— Элла.

— Что?

Он потер переносицу.

— Я хочу назначить независимое обследование. Хочу понять, что произошло. Если вчерашний результат ошибочный, я первым потребую пересмотра.

— После того, как подпишешь.

— Да.

— Почему не наоборот?

— Потому что стае нужен действующий порядок сегодня.

Я посмотрела на мужа.

Восемь лет назад я полюбила именно эту его способность принимать решение, когда остальные спорили.

Он не бегал от ответственности.

Не прятался за советников.

Не обещал всем то, что невозможно выполнить.

Тогда мне казалось, что рядом со мной человек, на которого можно опереться.

Сегодня впервые я увидела обратную сторону.

Кайр умел решать быстро.

В том числе за тех, кто не просил его решать.

— Значит, все уже определено, — сказала я.

— Нет.

— Ты подпишешь?

Он молчал.

— Кайр.

— Да.

Я услышала ответ отчетливо.

Хотя он произнес его тихо.

— Ты подпишешь лишение Тео и Леи наследственных прав?

— Да.

— До полного обследования?

— Да.

Я кивнула.

Не потому, что согласилась.

Просто теперь спор потерял смысл.

Керн потянулся к документам.

— Тогда Совет может перейти к формальной части.

Я подняла руку.

— Нет. Еще один вопрос.

Кайр посмотрел на меня.

— Какой?

— Ты признаешь Тео и Лею своими детьми?

Его лицо изменилось.

— Что?

— Ответь.

— Конечно, признаю.

— У тебя есть хоть малейшее сомнение в том, что они

твои?

— Нет.

— Ты думаешь, я могла родить их от другого?

В его взгляде появилась злость.

— Никогда.

— Значит, Тео — твой сын.

— Да.

— Лея — твоя дочь.

— Да.

Я смотрела прямо на него.

— И ты сам подпишешь бумагу, которая лишает их наследства.

Он тяжело выдохнул.

— Да.

Все.

Вот этого мне не хватало.

Не объяснений Совета.

Не ссылок на закон.

Не разговоров о боковых домах.

Одного простого ответа.

Он знал, чьи это дети.

И сам делал выбор.

Я откинулась на спинку кресла.

— Теперь подписывай.

Кайр не взял перо.

— Элла, я не отказываюсь от них.

— Не сейчас.

— Ты должна понять разницу.

— Я прекрасно ее понимаю. Ты хочешь сохранить их как детей и отказаться от них как от наследников.

— Да.

— Потому что считаешь это меньшим злом.

— Да.

— Тогда не объясняй мне, что на самом деле ничего страшного не произошло.

— Я этого не говорю.

— Хорошо.

Он посмотрел на документ.

Потом взял перо.

Я знала эту руку до мелочей.

На указательном пальце оставался тонкий белый след от старой охотничьей раны. На запястье — шрам после пограничной стычки пятилетней давности.

Этим руками он впервые взял Тео.

Через три минуты — Лею.

Я тогда была настолько измучена, что едва держала глаза открытыми, но помнила лицо Кайра.

Он плакал.

Совсем немного.

Повернулся к окну, будто никто не заметит.

Я заметила.

Сейчас та же рука вывела наших детей из прямой линии

наследования.

Кайр подписал.

Керн поставил рядом печать Совета.

Один из старейшин добавил свою.

Королевский наблюдатель внес решение в протокол.

Все заняло меньше минуты.

Вчерашний обряд длился дольше.

Я смотрела на высыхающие чернила и думала о том, что Тео сейчас, скорее всего, сидит на ковре в детской и строит из деревянных фигурок пограничную крепость.

Он любил Серый Предел.

Серьезно, по-детски.

Знал гербы всех старших домов и спорил с Корсом о том, какая дорога ведет к Северному перевалу.

Лея терпеть не могла уроки родовой истории, зато считала себя будущей Луной только потому, что однажды услышала, как служанки так пошутили.

Вечером мне придется объяснить обоим, что взрослые уже решили: этого будущего у них больше нет.

Я подняла глаза.

— Заседание закончено?

Керн переглянулся с Кайром.

И по этой короткой паузе я поняла, что нет.

— Что еще? — спросила я.

Кайр произнес:

— Есть вопрос о нашем браке.

На этот раз меня действительно застали врасплох.

Несколько секунд я не понимала смысла слов.

— О нашем браке?

Керн открыл второй документ.

Я посмотрела на него и сразу узнала герб Королевской Палаты Родовых Прав.

Заявление о расторжении.

Уже заполненное.

Не подписанное.

— Совет Первых Стай считает, что после исключения обоих детей из линии наследования положение Луны Серого Предела должно быть пересмотрено, — сказал Керн.

— Положение Луны или брак?

— В случае правящего альфы эти вопросы связаны.

— Не уходите от ответа.

Керн выдержал мой взгляд.

— Совет рекомендует расторгнуть брак.

Я посмотрела на Кайра.

Он был бледнее, чем несколько минут назад.

— Это тоже обсуждали ночью?

— Да.

— И что ты сказал?

— Что не согласен с формулировками Совета.

— Я спросила не про формулировки.

Кайр медленно поднялся.

— Элла, поговорим отдельно.

— Нет.

— Это касается только нас.

— Тогда не нужно было приносить сюда готовое заявление.

Он сжал губы.

— Его подготовил Совет.

— А подписать должен ты.

— Да.

— Будешь?

Он не ответил.

Я повторила:

— Кайр, ты согласен на развод?

— Я не хочу развода.

— Это не ответ.

— Я не вижу сейчас другого решения, которое не откроет новый спор о линии наследования.

Мне стало почти спокойно.

Второй раз за утро.

Видимо, у боли тоже есть предел, после которого остается только ясность.

— Значит, согласен.

— Я сказал не это.

— Тогда скажи «нет».

Он молчал.

— Скажи Совету, что не разводишься со мной.

— Элла.

— Одно слово.

— Если я сохраняю брак после такого решения, Совет потребует объяснить, каким образом я собираюсь обеспечить следующую прямую линию.

— Это их проблема.

— Нет. Это обязанность альфы.

Я смотрела на него.

— Ты собираешься заводить других детей?

— Не сейчас.

— С кем?

— Ни с кем.

— Но когда-нибудь придется.

Кайр резко сказал:

— Я не обсуждаю другую женщину.

— Потому что ее пока нет.

— Ее вообще нет.

— А необходимость уже есть.

Он замолчал.

Керн вмешался:

— Совет не требует от альфы немедленно вступить в новый брак.

Я повернулась к нему.

— Какое облегчение.

— Госпожа Ривен...

— Не надо. Хотя бы сегодня не притворяйтесь, что заботитесь о моем удобстве.

Кайр подошел ближе.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала.

Я посмотрела на него.

Сначала решила, что ослышалась.

— Что?

— Дом у озера останется за тобой. Детские комнаты тоже. Ты можешь жить в Сером Пределе столько, сколько захочешь. Тео и Лея будут рядом со мной.

Я медленно встала.

— Ты предлагаешь мне развестись с тобой и остаться здесь?

— Да.

— В качестве кого?

— В качестве матери моих детей.

— Пока у тебя не появится новая Луна?

— Я не собираюсь искать новую жену завтра.

— Опять «завтра».

— Потому что я не знаю, что будет через год.

— Зато сегодня знаешь отлично.

Он сделал шаг ко мне.

— Элла, я не вычеркиваю тебя из своей жизни.

— А я не хочу остаться в ней удобным приложением.

— Не говори так.

— Как мне говорить? Ты разводишься со мной по требованию Совета, но предлагаешь продолжать жить в доме твоей стаи, получать деньги твоего дома и ждать, когда полити-

ческая необходимость потребует от тебя следующего брака.

— Я обеспечу тебя независимо от того, что будет дальше.

— Я знаю.

Он нахмурился.

— Тогда в чем проблема?

Вопрос был искренним.

И от этого особенно болезненным.

— В том, что ты опять все решил.

Кайр замер.

— Я ничего не решил за тебя.

— Правда? Мои дети сегодня лишились наследства без моего согласия. Мой брак обсуждали ночью без меня. Ты уже придумал, где я буду жить после развода и на какие деньги.

— Я пытаюсь защитить тебя.

— От чего?

— От необходимости начинать жизнь с нуля.

— А ты спросил, хочу ли я твою защиту в таком виде?

Он не ответил.

— Вот именно.

Кайр понизил голос:

— Что ты собираешься делать?

— Пока не знаю.

— Тогда не отказывайся от того, что тебе положено.

— Детям положено содержание отца. Я его не трону.

— А тебе?

— Мне положена компенсация за восемь лет работы Лу-

ной и за карьеру, которую я оставила после свадьбы.

Он кивнул.

— Да.

— Ее определит Палата.

— Я дам больше.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я больше не хочу, чтобы размер моей жизни определял ты.

Кайр отвел взгляд.

Я посмотрела на заявление.

— Где подписать?

— Не торопись, — сказал он.

Я рассмеялась тихо.

— Теперь ты предлагаешь не торопиться?

Он поморщился.

— Я понимаю, как это звучит.

— Хорошо, что хотя бы понимаешь.

Керн сообщил:

— Решение Совета не расторгает брак автоматически.

Для этого требуется регистрация в Королевской Палате. Сегодня вы можете подписать совместное заявление или взять срок на размышление.

Я посмотрела на Кайра.

— Ты возьмешь срок?

Он долго молчал.

— Если это изменит твоё решение, да.

— Мое?

— Я не заставляю тебя подписывать сегодня.

— А своё решение ты изменишь?

Он посмотрел на бумаги о наследстве.

— Нет.

Тогда и мне не было смысла ждать.

Я взяла заявление.

Прочитала полностью.

Мне предлагали пожизненное содержание бывшей Луны, дом у озера, долю ежегодного дохода правящего рода, отдельное содержание детей, оплату обучения и лечения.

Я зачеркнула пункт о пожизненных выплатах.

Кайр заметил.

— Не надо.

— Надо.

— Ты имеешь на них право.

— Не в таком виде.

— Почему?

— Потому что я не хочу получать от тебя содержание до конца жизни.

— Это не милость.

— Тогда пусть Палата рассчитает компенсацию за годы моей работы. Одну сумму. Официально. После этого мои личные расходы — мои.

— Элла, тебе не нужно мне ничего доказывать.

— Я и не собираюсь.

Я оставила без изменений все пункты, касавшиеся Тео и Леи.

Дети не должны были оплачивать мою гордость.

Кайр обязан содержать их.

И я не собиралась превращать его деньги в оружие против него или в доказательство собственной независимости.

Потом дошла до места проживания детей.

До окончательного определения порядка они оставались со мной.

Я поставила отметку.

Кайр увидел.

— Ты хочешь уехать.

Не вопрос.

— Да.

— Куда?

— В столицу.

— Когда?

— Как только соберу вещи и зарегистрирую развод.

— Элла, они вчера прошли тяжелый обряд.

— Именно поэтому им не нужно оставаться здесь и каждый день слушать, как взрослые обсуждают нового наследника.

— Никто не будет говорить об этом при детях.

— Слуги услышат. Потом их дети. Потом весь дом. Ты не можешь запретить людям знать, что произошло.

— Могу запретить унижать Тео и Лею.

— Я не хочу проверять, насколько хорошо сработает приказ.

Кайр смотрел тяжело.

— Это их дом.

— Был.

— Ты говоришь так, будто я вас выгнал.

— Нет. Ты сделал другое.

— Что?

— Создал место, в котором я больше не хочу жить.

Он опустил голову.

Я подписала заявление.

Первая подпись — Элла Ривен.

Последний раз.

Кайр не сразу взял перо.

На несколько секунд мне показалось, что сейчас он все-таки откажется.

Не ради наследства.

Хотя бы от развода.

Он смотрел на строку для подписи очень долго.

Потом поставил свое имя.

Секретарь забрал документы.

— После регистрации в Королевской Палате брак будет считаться расторгнутым. Запись можно передать с ближайшим официальным курьером.

— Я отвезу сама, — сказала я.

Керн удивился.

— В этом нет необходимости.

— Для меня есть.

На шее у меня висел серебряный знак Луны.

Не брачная метка и не магическая цепь.

Знак должности.

Его надели на меня восемь лет назад в этом же зале, когда после свадьбы я принесла присягу Серому Пределу.

Я расстегнула застёжку.

Кайр сразу понял.

— Элла, не здесь.

— А где?

— Снятие знака проводят после официальной регистрации.

— Тогда считайте, что я отказываюсь пользоваться полномочиями до регистрации.

Я положила серебряный знак на стол.

Кайр взял его раньше Керна.

— Не нужно превращать это в демонстрацию.

Я посмотрела на него.

— Ты думаешь, я делаю это для Совета?

— Не знаю.

— Я делаю это для себя.

Он сжал знак в ладони.

— Ты была хорошей Луной.

— Знаю.

Ответ удивил его.

Я тоже удивилась тому, как легко произнесла.

Но это была правда.

Я хорошо выполняла свою работу.

Мне не требовалось, чтобы Кайр подтвердил это теперь,

когда должность закончилась.

— Я могу идти? — спросила я Керна.

Он просмотрел протокол.

— Все вопросы, требующие вашего присутствия, завершены.

— Отлично.

Я вышла из зала одна.

Кайр не пошел за мной.

Наверное, оставались вопросы стаи.

Как всегда.

Коридор показался непривычно длинным. Дежурные у дверей поклонились мне как Луне, потому что еще не знали.

Я не остановилась объяснять.

На улице было холодно.

Я вдохнула несколько раз, прежде чем смогла нормально идти.

Плакать не хотелось.

Пока нет.

Хотелось только домой.

Хотя уже на лестнице я поняла, что больше не называю его нашим домом.

В детской Лея сидела на полу возле окна. Тео строил из деревянных башен крепость.

Оба сразу посмотрели на меня.

— Уже все? — спросил Тео.

Я закрыла дверь.

— Да.

Он подбежал первым.

— Я снова пройду обряд?

Я опустила на ковер между ними.

— Мы обязательно разберемся, почему вчера ничего не получилось.

— Но снова будет?

— Возможно.

Лея подошла ближе.

— А Совет что сказал?

Кайр и я всегда старались не лгать детям.

Сегодня это правило оказалось особенно трудным.

— Совет решил, что пока вы не будете наследниками папы.

Тео нахмурился.

— Совсем?

— По нынешнему решению — да.

— Потому что у меня нет волка?

— Мы пока не знаем, есть ли у тебя проблемы с волчьей природой.

— Но они решили.

Семилетний ребенок нашел противоречие быстрее взрослых мужчин за длинным столом.

— Да.

Он сел обратно.

Несколько секунд перебирал деревянные фигурки.

— Папа им запретил?

Лея посмотрела на меня.

Я не смогла солгать.

— Нет.

— Почему?

Вот вопрос, который Кайр должен был услышать сам.

Но сейчас передо мной были дети.

Не судьи.

— Папа испугался, что из-за спора о наследстве в стае начнется большая ссора между взрослыми.

— И поэтому сказал да? — спросил Тео.

— Да.

Он замолчал.

Лея прижала волка сильнее.

— Тогда он выбрал их.

— Леа...

— Выбрал.

Я не стала убеждать ее в обратном.

Но и подтверждать не стала.

— Папа любит вас.

Она нахмурилась.

— Тогда зачем?

— Любить человека и правильно поступить с ним — не всегда одно и то же.

Лея обдумывала это с серьезностью, от которой мне стало больно.

Тео спросил:

— Мы теперь уедем?

— Да.

Оба посмотрели на меня.

— Куда? — спросила Лея.

— В столицу.

— Насовсем?

— Пока не знаю.

— А папа?

— Он останется здесь.

Тео опустил голову.

— Он нас больше не хочет?

Я обняла сына.

— Никогда так не думай. Он хочет вас видеть. И будет видеть.

— Тогда почему мы уезжаем?

Я провела ладонью по его волосам.

— Потому что мне нужно место, где я смогу спокойно разобраться во всем, что произошло. И где вы не будете каждый день слышать разговоры о наследстве.

— В столице есть волки? — спросила Лея.

Я почти улыбнулась.

— Очень много.

— Настоящие?

—оборотни тоже настоящие.

— Я не про людей.

— И обычные есть.

Она немного успокоилась.

Тео спросил:

— А моя крепость?

— Возьмем.

— Всю?

Я посмотрела на десятки деревянных деталей.

— Всю.

— А карты?

— Тоже.

Лея сразу сказала:

— И мои книги.

— Конечно.

— И серое платье.

— Да.

— И волка.

Она подняла игрушку, будто опасалась, что именно его я предложу оставить.

— Особенно волка.

Дети начали перечислять вещи.

Я слушала и впервые за весь день почувствовала, что могу

сделать что-то конкретное.

Не изменить Совет.

Не заставить Кайра отменить подпись.

Просто собрать детские книги.

Одежду.

Игрушки.

Документы.

И уехать.

Кайр пришел вечером.

К этому времени на моей кровати уже стояли два дорожных сундука.

Он остановился в дверях спальни.

— Ты серьезно.

Я продолжила складывать платья.

— Я говорила утром.

— Я думал, ты хотя бы дождешься регистрации.

— Дождусь. Мы выедем после нее.

Он вошел.

— Дети знают?

— Да.

— Ты сказала им про наследство?

— Да.

— Как?

Я положила платье в сундук и только после этого посмотрела на него.

— Правду, понятную семилетним детям.

— Что именно?

— Что Совет лишил их права наследовать и что ты согласился.

Его лицо стало жестче.

— Элла.

— Я не сказала, что ты их не любишь. Наоборот.

— И что они ответили?

— Тео спросил, почему ты не запретил.

Кайр отвернулся.

— А Лея?

— Сказала, что ты выбрал Совет.

Он долго молчал.

— Ты могла объяснить ей иначе.

— Могла. Но тогда пришлось бы объяснять твоё решение лучше, чем ты сам смог объяснить его мне.

— Я не прошу тебя оправдывать меня.

— Хорошо.

— Но они дети.

— Именно поэтому я не рассказывала им про боковые дома, вызовы и голосование.

— Я сам поговорю.

— Конечно.

Он посмотрел на сундуки.

— Ты действительно вернешься в профессию?

Вопрос удивил.

— Да.

— Лицензия давно не подтверждалась.

— Значит, подтверждаю.

— Тебе понадобится практика.

— Найду.

— Я могу написать Савине Орр.

Я посмотрела на него.

— Нет.

— Она была твоей наставницей.

— Именно поэтому я напишу ей сама.

— Я просто хотел помочь.

— Знаю.

Кайр сжал губы.

— Теперь любое мое предложение будет звучать как попытка управлять?

— Некоторое время — скорее всего.

— Это трудно.

— Мне тоже.

Он прошел к окну.

— Дом в столице я могу купить на имя детей.

— Не нужно.

— Элла, столица дорогая.

— Я знаю.

— Не отказывайся от денег из принципа.

— Я не отказываюсь от денег детей. Я уже подписала соглашение.

— Тогда позволь хотя бы найти нормальное жилье.

Я закрыла сундук.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я хочу сама выбрать, где буду жить после развода.

Он повернулся.

— Я не собирался выбирать вместо тебя.

— Ты только что предложил именно это.

Кайр открыл рот.

Закрыл.

Потом коротко кивнул.

— Хорошо.

Это было первое «хорошо» за день, после которого он действительно отступил.

Я заметила.

Но благодарить не стала.

Слишком рано.

— Я хочу увидеть детей перед сном, — сказал он.

— Конечно.

— Элла.

— Что?

— Я не откажусь от них.

Я смотрела на него.

— Тогда не отказывайся.

— Я говорю серьезно.

— Я тоже.

Он подошел ближе.

Между нами оставалось меньше шага.

Еще вчера я бы сама сократила это расстояние.

Прижалась к нему.

Положила голову на плечо.

Сегодня не смогла.

Кайр тоже не прикоснулся.

— Я знаю, что ты считаешь меня предателем, — сказал

он.

— Не знаю, как тебя назвать.

— Но?

Я посмотрела прямо.

— Сегодня мне достаточно фактов. Ты знал, что Тео и Лея твои. Ты знал, что обследование не закончено. И ты сам поставил подпись.

Он побледнел.

Но не отвернулся.

— Да.

— Вот с этим я и уезжаю.

Кайр ничего не ответил.

Я прошла мимо него в детскую.

Там Тео уже пытался уложить в маленькую дорожную сумку половину деревянной крепости, а Лея спорила с няней, что три куклы считаются одной вещью, если посадить их вместе.

Я села рядом и стала помогать.

Утром мне казалось, что я должна сохранить прежнюю жизнь хотя бы ради детей.

К вечеру я поняла другое.

Я не могла обещать им, что Серый Предел однажды снова признает их наследниками.

Не могла обещать, что Кайр изменит решение.

Не могла даже обещать, что наш развод через месяц перестанет причинять боль.

Но я могла сделать то, что зависело от меня.

Увезти их из дома, где их будущее уже разделили без них.

Вернуться к своему имени.

К своей профессии.

И выяснить, почему два здоровых ребенка за один день потеряли волчий отклик.

На этот раз я не собиралась ждать, пока кто-нибудь решит за меня, когда можно начать искать ответ.

Глава 2. Бывшая Луна

Из Серого Предела мы выехали через два дня.

Столько потребовалось, чтобы Королевская Палата получила бумаги о разводе, зарегистрировала их и прислала подтверждение обратно.

За эти двое суток дом успел измениться.

В нем все оставалось на своих местах: картины, мебель, детские игрушки, мои книги, одежда Кайра в гардеробной. Слуги по-прежнему обращались ко мне «госпожа Ривен», потому что новая запись еще не дошла до каждого управляющего.

Но я уже собирала вещи как гостя.

Самым трудным оказалось решить, что брать.

Не потому, что мне хотелось увезти половину дома.

Наоборот.

Я внезапно поняла, как много вещей никогда не были моими.

Парадные украшения Луны принадлежали Серому Пределу.

Часть одежды оплачивалась из представительского счета.

Серебряные сервизы, которыми пользовались в наших комнатах, числились за правящим домом.

Даже несколько картин, которые я сама выбирала, покупали для официальной резиденции.

Я складывала в сундуки личные платья, старые учебники, коробку с инструментами мастера родовых знаков, которую не открывала почти пять лет, письма от родителей и две книги по ритуальной экспертизе.

Потом остановилась перед шкатулкой с драгоценностями.

Кайр подарил мне большую часть.

Я закрыла крышку.

Через минуту открыла снова.

Это были подарки.

Значит, мои.

Оставлять их только потому, что сейчас мне неприятно смотреть на кольца и серьги, было бы глупостью.

Я позвала управляющую.

— Составьте отдельную опись личных украшений. Копию мне и в канцелярию дома.

Женщина растерялась.

— Госпожа...

— Все нормально.

— Я не хотела...

— Знаю. Просто хочу, чтобы потом никто не спорил, что именно я забрала.

Она кивнула.

Я стала намного внимательнее к бумагам всего за два дня.

Раньше мне казалось, что мы с Кайром никогда не будем делить ложки и сундуки.

Теперь понимала: хорошие документы нужны как раз то-

гда, когда люди еще не собираются ссориться из-за каждой мелочи.

Тео собирался дольше всех.

Он хотел взять всю крепость.

Она занимала три больших ящика.

— Мы не можем увезти все, — сказала я.

Он посмотрел на меня так, будто я предложила оставить его самого.

— Ты обещала.

Я вспомнила.

Обещала.

— Хорошо. Всю.

Слуга у двери тяжело вздохнул.

Тео сразу оживился.

— И башню Корса.

— Башню Корса тоже.

— И запасные стены.

— Если они относятся к крепости, бери.

Он посмотрел на меня подозрительно.

— А мост?

— Тео.

— Он тоже часть крепости.

— Бери мост.

В итоге игрушечный Серый Предел занял больше места, чем мои книги.

Лея действовала иначе.

Она положила в дорожный сундук пять платьев, две куклы и тряпичного волка.

Все остальное объявила ненужным.

— Даже зеленое платье? — спросила я.

— Нет.

— Ты его любила.

— Тут.

— Что?

Она пожала плечами.

— Оно для тут.

Я поняла не сразу.

Платье ассоциировалось у нее с домом.

— Хорошо.

Не стала убеждать.

Дети и без того слишком многое получали сейчас без права выбора.

Пусть хотя бы сами решают, какие вещи брать.

Кайр пришел к экипажу, когда последние сундуки уже привязывали сзади.

Он не пытался остановить нас.

За эти два дня вообще не пытался.

Один раз попросил отложить отъезд до конца недели.

Я отказалась.

Он спросил почему.

Я ответила:

— Потому что если останусь еще на неделю, потом най-

дется причина остаться на две.

На этом разговор закончился.

Теперь Кайр стоял возле лестницы в дорожном плаще, хотя никуда не собирался.

Дети вышли вместе.

Тео держал под мышкой маленькую деревянную башню, которую в последний момент отказался отдавать слугам.

Лея сначала пошла ко мне.

Потом увидела отца.

Остановилась.

Кайр не сделал шага навстречу.

Просто опустил на одно колено.

— Я хотел попрощаться.

Тео подошел первым.

— Мы надолго?

Кайр посмотрел на меня.

Я не ответила за него.

— Не знаю, — сказал он сыну. — Но я буду приезжать.

— В столицу?

— Да.

— Часто?

Кайр чуть помедлил.

— Настолько часто, насколько вы с мамой разрешите и насколько мне позволит работа.

Правильный ответ.

Не обещание «каждый день», которое он не смог бы вы-

полнить.

Тео кивнул.

Потом спросил:

— Ты все еще альфа?

Кайр растерялся.

— Да.

— А я уже нет?

Я напряглась.

Кайр не стал говорить, что Тео никогда не был альфой.

Не поправил детскую формулировку.

— Ты мой сын, — сказал он. — Это не изменилось.

— Я не спросил.

Кайр закрыл глаза на секунду.

— Нет. Сейчас ты не наследник.

Тео опустил башню.

— Понятно.

Он позволил отцу себя обнять, но сам рук не поднял.

Кайр не удерживал.

Лея стояла рядом со мной.

— Хочешь попрощаться? — спросила я.

Она покачала головой.

Кайр услышал.

По лицу видно было, насколько это его задело.

Но он не подошел к ней.

— Хорошо, — сказал он. — Я не буду заставлять.

Лея подняла взгляд.

— Ты приедешь?

— Если ты разрешишь.

Она нахмурилась.

— А если я не разрешу?

— Тогда подожду.

Я посмотрела на него.

Лея тоже.

Потом сказала:

— Не знаю.

— Это можно.

Он встал.

Мне не хотелось устраивать длинное прощание при детях и слугах.

Кайр, похоже, чувствовал то же.

— Напиши, когда доберетесь.

— Напишу.

— Я передал в Палату документы по содержанию детей.

— Хорошо.

— Там все, о чем мы договорились.

— Я проверю.

Он поморщился, но ничего не сказал.

Я уже взялась за ручку двери экипажа, когда Кайр позвал:

— Элла.

Обернулась.

— Что?

Он подошел на два шага.

Не ближе.

— Фамилию тоже меняешь?

Я знала, что он спросит.

— Да.

— На Сейр.

— Да.

— Понял.

И только.

Я села в экипаж.

Через несколько минут ворота Серого Предела остались позади.

Тео долго смотрел назад.

Лея ни разу не обернулась.

Я сидела напротив них и не пыталась угадать, кому из двоих больнее.

У детей горе редко выглядит одинаково.

До столицы добрались к вечеру следующего дня.

Обычно я приезжала сюда как Луна Серого Предела.

Нас встречали люди дома Ривен, заранее бронировали этаж в гостинице или готовили городской дом, если Кайр приезжал надолго.

Теперь никаких слуг Ривенов я не вызывала.

Комнаты сняла сама.

Небольшая гостиница недалеко от Королевской Палаты оказалась приличной и дорогой.

Я заплатила за неделю вперед.

Тео тут же спросил:

— Мы будем жить здесь?

— Несколько дней.

— А потом?

— Найдем квартиру.

— Не дом?

— Может быть, квартиру.

Он задумался.

— В ней поместится крепость?

Я посмотрела на три ящика, стоявшие у стены.

— Теперь обязана.

Он удовлетворенно кивнул.

Лея залезла на кровать в одежде.

— Здесь пахнет чужими.

— Это гостиница.

— Я знаю.

— Завтра будет лучше.

— Почему?

Я не нашлась.

— Потому что сегодня мы устали.

Она подумала.

— Тогда ладно.

Вечером дети уснули быстро.

Я нет.

В комнате было тихо.

Слишком тихо после большого дома, где даже ночью кто-

нибудь проходил по коридору, хлопала дальняя дверь, дежурные менялись у входа.

Я лежала и впервые за восемь лет понимала, что никто не знает, где я нахожусь, кроме нескольких служащих гостиницы и Кайра, которому я отправила короткую записку:

«Добрались. Дети в порядке».

Он ответил через час.

«Спасибо. Передай им, что я люблю их».

Я перечитала.

Потом убрала записку в ящик.

Не передала сразу.

Не потому, что хотела наказать его.

Дети спали.

Скажу утром.

Мне важно было самой помнить разницу.

Не скрывать любовь отца.

Но и не становиться его посыльной каждый раз, когда ему тяжело говорить самому.

Утром я пришла в Королевскую Палату Родовых Прав с двумя детьми, тремя папками и старым свидетельством мастера второй категории.

Тео возмущался, что его заставили надеть официальный жилет.

Лея отказалась от ленты в волосах.

Я решила, что одного прилично одетого ребенка из двух достаточно для государственного учреждения.

Палата занимала старое белокаменное здание возле Королевского суда.

На первом этаже регистрировали браки, разводы, опеку, родовые имена и усыновление.

На втором разбирали вопросы наследования.

На третьем находились экспертные архивы и служба родовых знаков.

Раньше я знала это здание с другой стороны.

Приходила сюда работать.

Потом как Луна подписывала официальные бумаги.

Сегодня встала в обычную очередь.

Дети сели на скамью.

Через двадцать минут Тео начал скучать.

Через тридцать Лея спросила:

— А богатых тоже заставляют ждать?

Я посмотрела на длинный ряд людей перед окнами.

— Судя по нам — да.

— Папа бы не ждал.

— Скорее всего.

— Почему?

— Потому что его документы обычно передает секретарь.

Лея нахмурилась.

— Это нечестно.

— Иногда должности дают удобства.

— А у тебя должности больше нет.

Она сказала без злости.

Просто как факт.

— Да.

— Поэтому мы ждем.

— В том числе.

Тео вмешался:

— Когда я был наследником, я тоже мог не ждать?

Я почувствовала, как на нас посмотрела женщина с соседней скамьи.

— Наверное.

— А теперь должен?

— Тео, твое право не стоять в очередях точно не самое важное, что произошло.

Он подумал.

— Но тоже потерял.

Мне пришлось отвернуться, чтобы не улыбнуться.

— Да. Очень серьезная потеря.

Он понял, что я шучу, и впервые после отъезда улыбнулся сам.

Когда подошла наша очередь, регистратор долго проверял бумаги.

Потом поднял глаза.

— Совместное заявление подписано обеими сторонами.

— Да.

— Решение Совета приложено.

— Да.

— Соглашение по детям тоже.

Он перелистнул.

— Отец подтверждает полное содержание детей, медицинские расходы, обучение, отдельный ежегодный имущественный счет и сохранение доли родового имущества.

— Верно.

— Вы отказываетесь от пожизненного содержания бывшей Луны и просите определить единовременную компенсацию отдельно.

— Да.

— Уверены?

Я посмотрела на него.

— Почему все задают этот вопрос?

Регистратор спокойно ответил:

— Потому что люди часто отказываются в состоянии сильных эмоций, а через месяц понимают, сколько стоит жизнь.

Мне понравился ответ.

Не снисходительный.

Практичный.

— Я не отказываюсь от компенсации. Только от пожизненных выплат.

— Тогда все правильно.

Он поставил первую печать.

— Фамилия после расторжения?

— Сейр.

Перо остановилось.

— Возвращаете добрачную?

— Да.

— Полное имя Элла Сейр?

— Да.

Он внес запись.

Почему-то именно в этот момент у меня сжалось горло.

Не в Зале родов.

Не когда Кайр подписал лишение наследства.

Не когда мы уехали.

А сейчас.

Перо незнакомого чиновника вывело:

Элла Сейр.

Имя, которое я не носила восемь лет.

Регистратор не заметил моего состояния.

— Согласно заявлению обеих сторон брак между Кайром Ривеном и Эллой Сейр считается расторгнутым с момента регистрации.

Он поставил вторую печать.

— Готово.

Все.

Так просто.

— Что дальше? — спросила я.

— По браку ничего. По детям соглашение вступило в силу одновременно. Изменение порядка проживания или встреч можно оформить здесь же.

— Я хочу зарегистрировать порядок общения отца с

детьми отдельно.

Регистратор поднял брови.

— В соглашении стоит свободный порядок по договоренности родителей.

— Я хочу изменить.

— Уже?

— Да.

Он посмотрел на детей.

Потом снова на меня.

— Причина?

— Не хочу, чтобы каждый приезд становился новым спором. И не хочу иметь возможность в плохой день просто сказать отцу детей «нет», если нет объективной причины.

Регистратор отложил одну папку и достал другую.

— Разумно. Предлагаемый порядок?

Я подготовилась еще вчера.

— Встречи два раза в месяц минимум по два дня, если Кайр находится в столице. Дополнительные встречи по согласованию. Письма без ограничений. Поездки детей в Серый Предел только с их предварительным согласием и после завершения нынешней проверки наследственного дела.

— Согласие семилетних детей юридически не является самостоятельным решением.

— Тогда запишите, что учитывается их состояние и мнение.

— Можно.

— Никакого вывоза из столицы без уведомления второго родителя.

— Обоюдно?

Я задумалась.

— Да. Обоюдно.

Не только Кайр должен был сообщать мне.

Я тоже.

— Медицинские решения?

— Экстренные принимает тот родитель, с которым находятся дети. Плановые — совместно, если не требуется срочность.

Регистратор записывал.

— Споры?

— Через Палату.

— Хорошо.

Тео дернул меня за рукав.

— Мам.

— Что?

— Это про нас?

— Да.

— А можно мне сказать?

Регистратор посмотрел на него.

— Конечно.

— Я не хочу пока ехать домой.

Я почувствовала, как слово «домой» снова кольнуло.

Регистратор спросил:

— В Серый Предел?

— Да.

— Почему?

Тео пожал плечами.

— Там все будут знать.

Чиновник ничего не стал уточнять.

Просто внес короткую пометку.

Лея сказала:

— А я не хочу видеть папу.

Я повернулась к ней.

— Совсем?

— Сейчас.

— Это другое.

— Я так и сказала.

Регистратор спросил:

— Вы хотите, чтобы первые встречи проходили только в столице?

Я посмотрела на дочь.

— Да. Пока.

Он закончил.

— Для вступления документа в силу нужна подпись отца.

— Отправьте ему.

— Могу передать сегодня.

— Хорошо.

Я ожидала, что Кайр начнет спорить.

Он подписал вечером.

Без изменений.

После Палаты мы пошли искать жилье.

К вечеру я возненавидела столичный рынок квартир.

В первой квартире было красиво, дорого и негде поставить даже половину Теоовой крепости.

Во второй хватало комнат, зато окна детской выходили на шумный торговый двор.

В третьей хозяйка узнала мою фамилию и немедленно решила, что бывшая жена альфы способна заплатить вдвое больше.

Я поблагодарила и ушла.

В четвертой Лея обнаружила мышь.

Мышь меня не испугала.

Меня испугало, что хозяйка назвала ее «редкой случайностью», а Тео тут же заметил еще две дыры у плинтуса.

На следующий день нашли подходящее место.

Верхний этаж небольшого дома в спокойном квартале, двадцать минут пешком до Палаты.

Три спальни.

Общая гостиная.

Небольшой кабинет.

Кухня.

Чердак.

И широкий пол в детской, куда помещалась крепость.

— Берем, — сказал Тео.

Хозяин рассмеялся.

— Решение принято.

— Еще нет, — сказала я.

Проверила договор.

Срок.

Залог.

Стоимость.

Кто оплачивает ремонт.

Правила досрочного расторжения.

Раньше подобное делал управляющий.

Теперь я читала каждую строку сама.

Это заняло почти час.

Хозяин терпеливо ждал.

— Вы юрист? — спросил он наконец.

— Нет.

— Похоже.

— Развод очень способствует внимательному чтению документов.

Он кашлянул.

Больше не спрашивал.

Я подписала аренду на шесть месяцев.

Не покупала дом.

Не хотела принимать решение на годы только потому, что боялась неопределенности.

Дети получили комнаты.

Тео выбрал ту, что выходила во двор.

Лея — с маленьким балконом.

Моя оказалась между ними.

Кабинет я заняла последним.

Поставила на стол старую коробку с профессиональными инструментами.

Открыла.

Внутри лежали серебряные измерительные пластины, лупа, набор реагентных игл, инструменты для снятия отпечатков родовой вязи, несколько пустых стекол и мои старые записи.

На крышке изнутри сохранилось имя:

Элла Сейр.

Я провела пальцем по буквам.

Пять лет коробка пролежала закрытой.

Некоторые реагенты давно испортились.

Металл потемнел.

Два инструмента требовали замены.

Но это было мое.

Не имущество Луны.

Не знак Серого Предела.

Моя профессия.

На следующее утро я снова пошла в Палату.

На этот раз одна.

Детей оставила с нанятой женщиной, которую нашла через рекомендованное агентство и проверила по трем рекомендациям.

После последних дней я вообще стала значительно хуже

относиться к словам «можете не беспокоиться».

Я предпочитала причины, почему можно не беспокоиться.

Служба родовых знаков располагалась на третьем этаже.

Сюда я когда-то поднималась почти каждый день.

Теперь остановилась перед знакомой дверью и неожиданно почувствовала себя студенткой.

За стойкой сидел молодой служащий.

— Чем могу помочь?

— Хочу восстановить профессиональный допуск мастера родовых знаков второй категории.

— Лицензия просрочена?

— Да.

— Насколько?

— Почти пять лет.

Он поднял глаза.

— Тогда потребуется повторная аттестация.

— Знаю.

— Свидетельство есть?

Я положила документ.

Он прочитал имя.

— Элла Сейр.

— Да.

— Вы раньше работали в столичной службе?

— Два года.

Он проверил номер.

— У вас была наставником Савина Опп?

— Да.

Теперь он уже смотрел внимательнее.

— Госпожа Опп все еще здесь.

У меня внутри что-то неприятно сжалось.

Савина была последним человеком, которому я написала перед свадьбой.

Она тогда сказала:

«Если уходишь из профессии на год, вернуться легко. Если на пять — придется снова доказывать, что руки и голова еще помнят работу».

Я обиделась.

Считала, что она не понимает моей новой жизни.

Теперь прошло почти пять.

— Она принимает сегодня?

— Сейчас уточню.

Он ушел.

Через несколько минут вернулся.

— Просит зайти.

Кабинет Савины почти не изменился.

Та же высокая полка.

Те же коробки с образцами.

Тот же тяжелый деревянный стол.

Только волос у нее стало больше седых.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Закрой дверь.

Я закрыла.

— Садись.

Села.

Савина изучала меня молча.

Я не выдержала первой.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Элла.

— Вы уже знаете?

— О разводе?

— Да.

— В Палате новости распространяются быстрее, чем плесень в сыром архиве.

— Понятно.

— О детях тоже знаю.

Я напряглась.

— Откуда?

— Решение Совета поступило в центральный реестр.

— Конечно.

Савина сняла очки.

— Ты пришла за лицензией или за помощью как мать?

Хороший вопрос.

— За лицензией.

— Только?

Я помолчала.

— Нет.

— Тогда начни с первого. Второе будем обсуждать, когда

пойму, что ты еще умеешь работать.

Мне даже стало легче.

— Справедливо.

Она достала из ящика три тонких пластины.

Положила передо мной.

— Что видишь?

Я взяла первую.

На серебре оставался слабый родовой отпечаток.

— Мужская линия. След старый. Возможно, несколько месяцев.

— Почему мужская?

— У правого края двойное расхождение.

— Может быть повреждением.

— Может. Тогда нужен второй образец.

Савина кивнула.

— Дальше.

На второй пластине было сложнее.

Я ошиблась.

Назвала след поддельным.

Оказалось, поврежденный настоящий.

Савина не пожалела меня.

— Почему ошиблась?

Я снова посмотрела.

— Слишком быстро решила по разрыву линии.

— Именно. Что должна была проверить?

— Толщину остаточного слоя и возраст металла.

— Не проверила.

— Да.

— Почему?

Я положила пластину.

— Потому что хотела показать, что не разучилась.

Савина впервые чуть улыбнулась.

— Уже лучше.

Третью я разобрала правильно.

Потом были вопросы.

Составы масел.

Сроки хранения.

Правила изъятия образцов.

Изменения в законе за последние годы.

На двух поправках я плавала.

Одну вообще не знала.

Через час Савина отложила бумаги.

— Сразу вторую категорию не верну.

Я ожидала.

Все равно неприятно.

— Что нужно?

— Две недели практики под наблюдением. Потом экзамен

по новым правилам. Если сдашь — вернем.

— Хорошо.

— Не споришь?

— А смысл?

— Раньше бы спорила.

— Раньше я пять лет не пропускала.

Она посмотрела внимательно.

— Теперь про детей.

Я достала копию решения.

Савина не стала читать полностью.

— Я видела.

— Можно обжаловать?

— Можно все, что не запрещено окончательно.

— По существу.

— По существу тоже.

— Какие основания?

— Нарушение процедуры обряда. Ошибка материалов.

Доказанное медицинское состояние, которое делало результат ненадежным. Подмена участника, фальсификация родовой пластины, нарушение хранения образцов. Есть еще несколько редких оснований.

— Задержка первого обращения?

— Сама по себе после новой поправки почти ничего не дает.

— Почти?

— Если докажешь, что ребенок не мог объективно показать отклик именно в день обряда.

Я сразу подумала о Тео.

О Лее.

О признаках, которые были до церемонии.

— Сколько времени на жалобу?

Савина открыла справочник.

— На предварительное оспаривание наследственного вердикта — тридцать дней с момента регистрации решения Совета.

Я почувствовала, как напряглась.

— Уже идет срок?

— Со вчерашнего дня.

— А если не успею?

— Потом можно открывать новое дело, но будет сложнее. Совет получит право утверждать, что ты оспариваешь не сам обряд, а последствия, которые тебе перестали нравиться.

— Мне они сразу не нравились.

— Суду все равно. Ему нужны сроки и основания.

— Что мне нужно для жалобы?

— Хотя бы одно проверяемое обстоятельство, которое ставит результат обряда под сомнение.

— Я сама могу исследовать материалы?

— Нет.

Я посмотрела.

— Потому что дети мои.

— Именно. Ты можешь участвовать как специалист только в поиске оснований и задавать вопросы экспертам. Окончательное заключение по Тео и Лее должен делать независимый мастер.

— Хорошо.

Это было правильно.

Мне даже понравилось.

Если я действительно найду нарушение, никто потом не сможет сказать, что мать сама написала нужное заключение.

— Сохраняются ли материалы обряда?

— По детям правящего альфы обязаны храниться.

— Масло?

— Контрольный образец.

— Пластина?

— Конечно.

— Медицинские записи?

— В архиве стаи и у служителя.

Я быстро записывала.

Савина следила.

— Не спеши.

— У меня тридцать дней.

— Именно поэтому не спеши настолько, чтобы начать видеть доказательства там, где их нет.

Я остановила перо.

Она ткнула пальцем в одну из пластин, на которой я только что ошиблась.

— Сегодня ты уже решила, что настоящий след поддельный, потому что хотела показать мне результат. С детьми будет в сто раз хуже.

Я выдохнула.

— Знаю.

— Нет. Пока только думаешь, что знаешь.

— Что предлагаете?

— Разделить работу.

— Как?

— Сначала собираешь факты, не версии. Медицинские записи за последние два месяца. Все препараты, которые принимали дети. Осмотр до обряда. Осмотр после. Состав ритуального масла. Кто его готовил. Где хранилось. Кто имел доступ. Когда вскрыли флакон. Кто присутствовал.

— А потом?

— Потом смотришь, есть ли в этом хоть что-то, что стоит отдавать независимому эксперту.

— Вы возьметесь?

Савина покачала головой.

— Я твоя бывшая наставница. Совет первым назовет меня заинтересованной.

— Тогда кого?

— Если появится основание, найдем.

Я закрыла блокнот.

— Хорошо.

— И еще.

— Что?

— Не пытайся одновременно спасти детей, возвращать профессию, выиграть дело, найти новый дом и доказать бывшему мужу, что прекрасно живешь без него.

Я нахмурилась.

— Последнего в моем списке нет.

— Отлично. Тогда хотя бы одной глупостью меньше.

— Вы всегда так разговаривали?

— Да. Ты просто отвыкла.

Я неожиданно улыбнулась.

— Возможно.

Савина вернула мне старое свидетельство.

— Завтра к восьми. Начнешь с архивных сравнений.

— Приду.

— Опоздаешь — выгоню.

— Не опоздаю.

У двери она спросила:

— Элла.

Я обернулась.

— Да?

— Ты уверена, что хочешь лезть в наследственное дело сама? Можно нанять мастера и остаться только матерью.

Я подумала.

— Нет.

— В чем нет?

— Не уверена, что хочу.

Савина ждала.

— Но я слишком хорошо знаю, каким должен был быть этот обряд. До него у обоих детей были признаки приближающегося пробуждения. После — будто ничего и не было. Я хочу понять почему.

— Тогда начни не с Совета.

— А с чего?

— С детей.

Вечером я достала из сундука медицинские бумаги.

До свадьбы привычка хранить документы казалась мне профессиональной.

Во время брака — излишней.

К счастью, я так и не отучилась.

У Тео за десять дней до обряда целитель отметил усиление слуха и ночные судороги в ногах.

Обычные признаки подготовки к первому обращению.

У Леи за неделю до церемонии появилась повышенная чувствительность к запахам.

За три дня до обряда она пожаловалась, что слышит мышей за стеной.

Мы тогда смеялись.

Кайр сказал, что скоро в доме появится вторая маленькая волчица.

Я нашла запись.

Прочитала еще раз.

Потом следующую.

Осмотр после обряда:

«Волчий отклик не выявлен. Признаки предстоящего обращения отсутствуют».

Не ослаблены.

Не уменьшены.

Отсутствуют.

Я открыла записи Тео.

То же самое.

Два разных ребенка.

С разным развитием.

С разными ранними признаками.

И у обоих они исчезли почти одновременно.

Я сидела за новым письменным столом, вокруг которого еще стояли неразобранные коробки, и впервые после заседания Совета почувствовала не обиду.

Рабочее сомнение.

Самое полезное чувство из всех, которым меня когда-то учила Савина.

Если два результата выглядели слишком одинаково, чтобы быть случайными, это еще не означало преступление.

Но означало, что нужно проверить.

Я достала чистый лист.

Наверху написала:

«Тео Ривен. Лея Ривен. Обряд Первой Луны».

Ниже:

«Что известно точно».

И только после этого начала составлять список.

Глава 3. То, чего не должно было быть

На следующий день я пришла в Палату раньше Савины.
Не из усердия.

Просто плохо спала.

Почти до трех часов ночи я сравнивала медицинские записи Тео и Леи, выписывала даты и пыталась удержаться от единственной ошибки, о которой предупреждала наставница: не придумывать объяснение раньше, чем собраны факты.

К утру у меня было четыре листа.

На первом — сведения о Тео.

На втором — о Лее.

На третьем — все, что происходило в день обряда.

На четвертом — вопросы, на которые у меня пока не было ответа.

Последний лист оказался самым длинным.

Савина вошла в архив без десяти восемь, сняла перчатки и сразу заметила бумаги у меня на столе.

— Ты здесь давно?

— Минут сорок.

— Плохо.

Я подняла голову.

— Почему?

— Потому что вчера я велела прийти к восьми, а не доказать мне, что после развода ты больше не спишь.

— Я спала.

— Сколько?

— Достаточно.

Она посмотрела на меня.

— Три часа?

Я промолчала.

— Значит, три.

— Четыре.

— Великолепно. Теперь ты не только заинтересованная сторона, но и уставший специалист.

Она положила передо мной стопку архивных карточек.

— До обеда работаешь с ними. Никаких детей, никакого обряда, никакого Совета.

— Савина...

— Именно поэтому.

Я нахмурилась.

— У меня осталось двадцать восемь дней.

— И если ты за первые три потратишь голову, остальные двадцать пять тебе не помогут.

Я хотела возразить, но она уже открыла первую карточку.

— Родовой знак поврежден при хранении. Твоя задача — определить, какие фрагме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.